

ПРОЛОГ

1553 год, 2 декабря, Тула

а ты спятил! — воскликнул Панкрат и хлопнул по столу.

— Я?! — удивился Андрей, смотря прямо в глаза новгородскому купцу, прибывшему с родственником Агафона. — Так мне уйти?

— Нет! — хором воскликнули все присутствующие.

— Тогда какого лешего вы мне голову морочите?! — рявкнул Андрей, заводясь напоказ.

— Хорошо, — примирительно подняв руки, произнес Агафон. — Давайте все успокоимся.

— Эта грамота, — указал Андрей на бумагу, лежащую на столе, — дает МНЕ право платить мыт¹ лично царю. Третью от всего, что я получу торговом. Мне,

¹ Мыт — место, где взимались торговые и проезжие пошлины через заставы у городов и крупных селений, а также общее название пошлин. Устанавливались правительством с XII века. С XVI века заменяется замытом (вместо мыта) — новым типом пошлины с торговли, провоза и приезда (привезенных денег), который нередко продолжает по инерции называться мытом. Размер замыта устанавливается в 1/200 суммы товара/денег. Немного само по себе. Но застав было очень много, из-за чего мыт/замыт взимался многократно. Кроме того, мыт/замыт взимался не с прибыли, а с оборота. Упразднены в основном Торговым уставом 1653 года.

не вам. А значит, никто не посмеет требовать с меня сверх этого.

— Вот именно! Тебе! — воскликнул Панкрат. — Нам-то что с того?

— А вы хотите платить мыт как обычно?

— Мы все равно будем его платить.

— В том-то и дело, что нет. Смотрите. Официально торг веду я. Вы выступаете как нанятые мною купцы, ибо лично торг вести мне невместно. С вами я заключаю ряд, определяющий вашу долю в прибыли.

— И ты с нами будешь по всей Руси бродить? А как же твоя служба?

— Зачем бродить?

— Как зачем? — удивился Панкрат. — Как мы в Новгороде станем доказывать твое право на мыт лично царю?

— Мы продавать будем тут. В Туле. Церковь же готова покупать краску. И ей все равно — тут или в Новгороде. Так ведь? — спросил он у отца Афанасия.

— Истинная правда, — степенно кивнул священник.

— А значит, никуда ее везти нет необходимости. Я товар привожу в Тулу. Вы его продаете в Туле. Получаете деньги. Царю откладываем его долю. Церкви — ее. Остальное — мое и ваше.

— А если тебя в городе не будет во время торга?

— Мы составим ряд на бумаге в трех списках. Один будет у вас, один у меня, один у церкви. В ряде том укажем, что действуем на основании царской грамоты. И если меня не будет рядом, то отец Афанасий или иной представитель церкви все подтвердит.

— Без всякого сомнения, — вновь кивнул отец Афанасий.

Он действовал без санкций митрополита. Однако понимал — тот возражать не станет. Так как совсем недавно нарочным передал приказ — оставить Андрея в покое. Но ведь в данном случае речь шла о выступлении в роли арбитра. За плату. Да еще и по инициативе самого Андрея. Что, безусловно, будет поддержано церковным руководством.

— А светильное масло? А иные товары? Их тоже церковь будет выкупать?

— Если пожелает, но не обязательно.

— Тогда как мы их станем продавать? Ведь мыт за торг с нас в Новгороде или иных местах спросят. А грамоты твоей под рукой не будет, да и на ряд наш никто в иных местах может и не посмотреть. Это тут тебя знают. А там?

— Беды в том великой нет...

— Как нет?! — перебил его Панкрат, но Андрей вскинул руку в останавливающем жесте.

— Погоди. Беды в том великой нет. Вы возьмете те товары малым числом для показа. И если покупателя они будут устраивать, то заключите с ним ряд от моего имени. Возьмете деньги и привезете сюда, в Тулу. Заберете товар. И увезете ему. Торг пройдет тут. А там — передача, без всякого торга. А значит, и мыт братъ не с чего.

— А за провоз товара?

— Так вы ведь не на торг везете.

— Когда это кого-то волновало? — фыркнул Панкрат, но уже не так раздраженно.

— Тогда мы будем писать грамотку о том, что товар сей куплен в Туле и мыт за то уже уплачен лично

царю. Сразу. Весь. Вряд ли после таких слов власти на местах станут сильно голову морочить. Чай, не прохожий случайный, а человек, ведущий дела лично с Государем, и обижать его не след.

— А не лихо берешь? — после долгой паузы спросил Панкрат. — Не боишься, что с тебя Государь спросит за такое самоуправство?

— Чтобы он не спросил, нужно нам не только о прибытках своих думать, но и о делах державных. Мы торгуем тут, в Туле, прикрываясь грамотой Государя? Торгуем. А значит, нам нужно заняться всяческой поддержкой местного полка городского.

— Поддержкой?

— Создадим общество соблагоденствия воинства тульского. И станем в складчину туда давать часть доходов. А из тех денег помогать безвозмездно тем бедным воинам, что служат честно, но поиздержались от войны или разорения.

— А не выходит ли, что мыга больше, чем обычным делом? — поинтересовался Агафон.

— А сколько выходит?

— Ну... Царю ведь треть надо отдать.

— Так треть прибытков, а не треть вырученных денег. И церкви нашей тоже с прибытков десятую долю давать. Я беру половину десятой доли. Остальные пятьдесят две сотых доли от прибытка — ваши... — Здесь Андрей, конечно, лукавил. Потому что «стоимость товара» он забирал во многом себе. Из-за чего получал не только свой процент с прибыли, но и стоимость товара. И если со светильным маслом то было и так ясно, то с краской — нет, но болтать о том он не спешил. — И плюньте мне в лицо, если на постоянных торговых путях от Новгорода

ПОМЕЩИК. КНИГА ТРЕТЬЯ. РАТНИК

до Тулы без хитростей вы платите в мыт меньше семидесяти сотых от прибытка. Так что даже если мы станем долей по пять с сотни откладывать в казну этого общества, не обнищаем. И в пользу будем заметной.

— Восьмидесяти, — поправил Андрея Панкрат. — Если все честно делать, то мыта за торг и проезд мы теряем восемь-девять десятых от всех прибытков. Правда, не от Тулы, а от Москвы. Но...

— Вот! — поучительно поднял палец Андрей. — Очень важно, чтобы Государь наш увидел — мы не только мошны ради своей стараемся, а стремимся укрепить пограничье державы его. Притом добровольно о ней печемся. Правда, в таких делах нужно держать нос по ветру, чтобы не потерять голову...

Часть 1

ИСПАНСКИЙ ГАМБИТ¹

— Снова обыск? Сейчас я понятого позову.

— Не надо понятого. Мы просто посидеть пришли. В засаде.

к/ф «Ширли-Мырли»

Глава 1

*1554 год, 12 января, вотчина Андрея
на реке Шат*

Давай! — крикнул Андрей, и дядька Кондрат, прищпорив коня, рванул вперед, удерживая копые под мышкой.

К его седлу уже была прикреплена бечевка с упором для копыя, что позволяло наносить им таранный удар даже при достаточно высокой посадке в седле. И не опасаясь при этом вылететь. А шпоры, которые нацепили на сапоги, облегчали разгон.

Дядька Кондрат, как и многие поместные дворяне, подражал степным воинам и не носил шпор. А для понукания своего «волосатого мопеда» применял нагайку, висящую у него обычно на кисти. В принципе решение. Беда была лишь в том, что во время боя, когда твои руки заняты оружием, применять нагайку становится категорически сложно.

¹ Испанский гамбит — вид шахматного дебюта, при котором белые, добровольно отказываясь от рокировки, стремятся опередить противника в развитии и создать сильный центр.

Вот и получалось, что во время бегства или преследования подгонять коня не представляло особых сложностей. Но не в бою. Из-за чего Андрей и настоял на том, чтобы все, кто пошел под его руку и готовился для конного боя, нацепили изготовленные Ильей шпоры.

Разгон.

Переход на рысь, а потом в галоп.

И удар.

Специальная мишень на поворотном рычаге оказалась поражена. Скорость же, которую дядька Кондрат набрал, позволила ему проскочить вперед быстрее, чем по его спине ударил мешок с песком. Этакий противовес на втором плече поворотного рычага. Он выполнял две функции. С одной стороны, обеспечивал «массу цели», чтобы при тренировке привыкать бить по мишени, которая бы сопротивлялась выбиванию из седла так же, как и реальный степной всадник. С другой стороны, этакий регулятор скорости.

— Вот видишь! — воскликнул Андрей. — Видишь! Получилось!

— Да уж... — согласился Кондрат и поежился. Предыдущие несколько десятков раз он получал по загривку мешком с песком. Прежде всего из-за того, что не разгонялся должным образом. Не привыкший он к шпорам.

Из-за шпор, кстати, пришлось удлинить лямки стремян и понизить посадку. Да, крутиться-вертеться стало несколько сложнее, но оно того стоило. Во всяком случае, по мнению молодого вотчинника...

— Опять вые...ваешься? — тихо спросила супруга у Андрея, осмотревшись перед этим по сторонам, чтобы никого рядом не было.

— А? — не сразу понял он.

— Я говорю, опять против общества идешь? Никто ведь так не воюет ныне.

— Не воюет. Но и шишек им полный зад да кирпичом по... хм... лицу, — пожал плечами Андрей. — Сами себе злобные буратины. Что мне с них?

— Ты снова будешь белой вороной. Забыл, чем это чревато?

— Слушай. У меня просто нету выбора.

— Выбор есть всегда.

— Но частенько альтернатива настолько хуже, что ею можно пренебречь.

— Почему хуже? Воюют же. И недурно воюют.

— В том-то и дело, что дурно. Нельзя победить водяного в реке по его правилам...

— Чем же эта твоя затея лучше?

— Понимаешь, — произнес Андрей, переходя на нормальный русский язык и, в свою очередь, оглядываясь по сторонам, — примерно век спустя Алексей Михайлович в куда более тяжелых для поместного войска условиях начнет создавать отряды конных копейщиков. У многих из них не будет даже панциря. А под седлом у них окажутся не мерины и даже не меринки, а меринцы, то есть крупные пони. Но даже такие конные копейщики покажут себя удивительно эффективными против степи. Почему? Бог весть. Может, из-за организованности и слаженности. Может, из-за склонности к решительному натиску. Может, еще почему. Но ими постоянно затыкали дыры по всему югу, а нередко и против Литвы использовали для борьбы с их поместными, что по татарскому образцу воевали. Ну или, как тогда говорили, по казачьему.

— Почему же тогда не произошло всеобщего перехода к такому бою у конницы?

— Потому что, — развел руками Андрей. — Конные копейщики по честности службы стояли ниже обычной поместной конницы, что держалась за свои традиции боя и вооружения. Оттого в них шли только самые бедные и разорившиеся помещики. И только лишь поднявшись, старались уйти обратно — в поместную службу. Да чего и говорить — когда в Новгороде Алексей Михайлович попытался развернуть свой полк крылатых гусар, даже в него набрать людей оказалось проблемой. НАМНОГО меньшей, но проблемой.

— Не понимаю... — покачала она головой. — Ты что, думаешь, что люди дураки?

— Просто ленивые жопы. И лень эта не всегда в делах. Иной раз глянешь — труженик, а приглядишься — он просто ленится подумать и оптимизировать свой труд. А потому и упахивается до потери пульса.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что, по моему мнению, человек — существо едва разумное. Я бы даже сказал — условно разумное. Мозг вроде бы есть, но пользоваться им он не любит. Ленился. И обожает держаться всего привычного, обычного и естественного для него. Любое изменение кажется злом. Особенно если имеет место страшный дефицит всего и вся, и нужно выживать. Казалось бы — кризис. Нужно шевелиться. Но нет. Именно в кризисных условиях самые крепкие и твердолобые ретрограды, ибо любая ошибка может стоить им жизни. Поэтому помещики этой эпохи, как и крестьяне, очень долго держались традиций. И Петр не зря их ломал через колено.

— Тем более! Зачем ты прешь против ТАКОГО мощного течения?

— Потому что у меня нет выбора. Если я стану играть по их правилам, то проиграю.

— А если пойдешь против системы, то выигрешь? — скептически выгнула бровь Марфа.

— Милая, — произнес Андрей и ласково огладил ее животик, — я совсем иначе действую, нежели Алексей Михайлович.

— Да ты что?

— Да. — не поддался на провокацию Андрей. — Я не пытаюсь сформировать конных копейщиков вне системы поместной службы. Я пытаюсь возродить их внутри нее. Ведь формально, в самом начале, первые десять-двадцать лет своего существования поместная служба и опиралась на конный, копейный бой.

— И кто из аборигенов это знает?

— Главное — это подход. Они держатся за старину. За традицию. Пусть даже этой традиции едва два поколения. Вот я на это давить и стану. Дескать, отец мне о том сказывал, что на самом деле правильно вот так.

— А откуда он о том узнал?

— Так ему его отец, а тому его отец.

— Дед твой жив, и его могут спросить. Оба деда.

— Ну тогда моему отцу дед его сказывал. Сразу, минуя отца. Тот точно уже мертв. Вот. Что, дескать, были времена, когда...

— Ох и скользкая эта дорожка...

— Чем же?

— Твои слова — это просто слова.

— Учитывая кругозор и образование аборигенов, любой, кто держится уверенно и демонстрирует, будто бы точно ведаёт, что делает, выглядит в их глазах знающим человеком. Особенно если ссылается на слова стариков. И лучше почивших, но славных. Ведь не новинку предлагает, а по старине доброй жить зовет. А любое прошлое — оно здесь авторитетно. И прекрасный инструмент для спекуляций.

— Это ты так думаешь.

— Доверься мне.

— Милый, мне кажется или ты уже не раз и не два вляпывался? Хочешь снова? Я тебе говорю — постарайся быть как все. Постарайся не выделяться. Тебе же не войну нужно выиграть, а нашу жизнь сытой и спокойной сделать. Твою жизнь, мою и нашего малыша, — произнесла Марфа, погладив себя по животу. — А то неровен час навлечешь на себя гнев Государя. И все. И конец.

— Милая, я знаю, что я делаю.

— Что-то не верится...

— Из-за того, что я уже несколько раз напортачил, мне остается только одно — бежать вперед. И удивлять, удивлять, удивлять. Если этого не будет, то сожрут меня. С потрохами сожрут. И тебя не пожалеют. Если повезет — в монастырь отправят. А скорее всего, просто удавят.

— Раз решил удивлять, то чего с этой фигней возишься? Где ружья? Где пушки?

— А танки? А самолеты? А автомат Калашникова? Или ты, может, мне предложишь начать с промежуточного патрона и командирской башенки? Ну а что? Прямо на шлем ее и поставлю.

— Не делай из меня дурочку. Ты же понимаешь, о чем я говорю.

— Понимаю. А вот ты, видно, не очень. Чтобы использовать огнестрельное оружие, мне нужно добиться одного условия. Точнее, двух. Да. Двух. Первое, — произнес он, отогнув большой палец, — я должен добиться определенного уровня публичного богатства. Второе, — отогнул он указательный палец, — стать достаточно авторитетным как военный специалист. То есть повоевать, и успешно повоевать. Иначе эффект от новизны окажется слишком шокирующий.

— Шокирующий? Но чем?! Вон у царя уже есть стрельцы и наряды¹ артиллерии.

— Пехотой я заниматься не могу. Это урон чести. Только конницей. Это понятно?

— Разумеется, — кивнула Марфа, — хоть и звучит дико. Пехота — царица полей.

— Это там... в наше время... А тут все иначе.

— Дикари, — буркнула она. — Ты же сам мне говорил о том, что в Европе ураганят пехотные батальи испанцев. Вот прямо сейчас.

— Говорил. Но разве кроме нас кто-то это знает в этих краях?

— Так расскажи.

— И кто мне поверит?

— Мда... Чертова старина...

— Какая есть, — развел он руками. — Так вот. Для вооружения конницы огнестрельным оружием оно должно быть надлежащего качества. Фитильные

¹ Наряд — это выделение какого-то количества артиллерийских орудий для тех или иных задач.

пищали тут не подойдут. Требуются колесцовые «стволы». Вроде бы есть уже кремниевые замки, но они крайне ненадежны сейчас и стоят не сильно меньше. Вот. А один рейтарский пистолет у нас тут, в Туле, обойдется мне как снаряжение десятка помещтных всадников. Карабин — еще больше. Их же на Западе делают. В Священной Римской империи, во Франции, в Италии.

— А ты их с помощью Ильи сделать не можешь? Вместе с ним. У тебя же подходящие навыки имеются. И знания. Вы разве не справитесь?

— Теоретически, конечно, могу. Но разве это изменит оценку их стоимости в глазах окружающих? Каждому всаднику нужна пара таких пистолей. Минимум. Плюс карабин. Ты представляешь, НАСКОЛЬКО это дорого?

— Но все в Туле и так знают, что у тебя много денег. А если и нет их прямо сейчас, то ты знаешь, как их быстро достать. Или ты в этом сомневаешься?

— Много денег и НАСТОЛЬКО много денег — это две очень большие разницы. И ладно бы пистолы с карабинами. Бес с ними. Представь себе, сколько стоят орудия! Ныне эти игрушки по карману только Государю. И он трясется над ними, как наседка над цыплятами. Бронза — исключительный импорт, и дорогой импорт. Так что заводить артиллерию имеет смысл желательно с одобрения царя. Чтобы не было эксцессов. Понимаешь? Во всяком случае, нормальную. Но даже если мне сделать несколько эрзац-пушечек вроде деревянных, то для них нужен порох. Много пороха. А это все не так-то и просто, да еще и вопросов массу вызывает...

— Допустим... — недовольно произнесла жена.

— Авторитет же... он как бы не важнее денег. Как ты мне постоянно говоришь — я живу тут не в вакууме, а в коллективе. И если я начну творить всякое непотребное, вроде вооружения огнестрельным оружием, полк может меня не понять. На низовом уровне. А именно за счет уважения простых помещиков я на плаву и держусь.

— Ладно... — тяжело вздохнув, махнула рукой Марфа. — Делай как знаешь.

— Ты со мной не согласна?

— Ты можешь попасть на прием к царю. И можешь ему лично предложить перспективные идеи. А он не дурак и...

— Он не дурак, — перебил ее Андрей. — Поэтому он не готов тратить на каждого всадника поместной конницы в сорок и более раз больше, чем обычно. У него на это нет ни денег, ни земли, ни желания...

Марфа нервно дернула подбородком, но более спорить не стала. Тем более что к ним подошел слишком близко Аким. И Андрей вернулся к делам тренировки...

Еще когда он возвращался из Москвы, то прекрасно заметил взгляды старшин. И понял — второй год отсидеться в крепости ему не дадут. Поэтому по приезде в Тулу он начал искать людей. Разных. Особенно после того, как заключил первый ряд с купцами и продал через них пять гривенок ляпис-лазури.

Именно тогда к нему решили присоединиться Кондрат, Федот и Аким, отправившись на зимовку к нему в вотчину. Им ведь, по сути, идти было некуда. Только опять в долги влезать. Поместье разорено. Денег нет. Ничего нет. А тут Андрей им сам предложил погостить у него да подсобить с обороной

крепостицы. То есть вроде бы и не бесплатно харчи будут вкушать.

И не только они поехали. Годом ранее, когда он искал себе людей, было все намного сложнее. В него не верили. Да и ехать фактически в чистое поле — одно дело, и совсем другое — в пусть маленькую, а крепость. Поэтому даже при довольно остром дефиците людей найти их удалось довольно легко. И теперь он и возился с ними. Тех, кого планировал забрать с собой в намечающийся поход, Андрей дрессировал конным делам. Остальных — обороне крепости. И всех, кто хоть как-то должен будет драться, нагружал общей физической подготовкой.

Но главное — учил действовать сообща.

А еще возился с материальным обеспечением. Для чего нанял к хромому плотнику Игнату трех подмастерьев и двух — к кузнецу. И еще с десятков разных людей. Ведь дел хватало.

Кроме того, он провел с помощью Агафона весьма непростую операцию по подбору, обмену и перекупке луков. Цель была проста. Ему требовалось, чтобы у людей под его рукой оказались пусть и не самые лучшие «агрегаты», но единообразные. Во всяком случае, по натяжению и вытягу. Чтобы не к каждому луку свои стрелы делать, а одни для всех.

Женщин еще завез в крепость, ибо женских рук и раньше не хватало. Теперь же — совсем беда. А ведь эту ораву людей требовалось обстирывать, готовить еду и с прочими делами помогать. В том числе и не совсем приличными. Без секса тяжело. А острый дефицит женского внимания мог породить серьезные внутренние проблемы. Понятное дело, о таких специфических задачах Андрей не говорил вдовушкам,

которых нанимал на службу. Но это и не требовалось. Все прекрасно всё понимали. Более того — даже какие-то надежды имелись в плане устройства своего семейного счастья.

Агафон, кстати, не подвел. И полностью погасил свой долг за светильное масло, поставив в крепость запасы продовольствия, соли и фуража. Особенно ценным оказалось последнее.

С конским составом требовалось очень плотно работать. Да. Все эти «копытные» уже не жеребята. Они уже в целом выросли. Однако Андрей не терял надежд хоть еще немного их укрепить. Хорошее питание и регулярные, серьезные нагрузки не могли пройти впустую. Ну... он так думал. Ведь если человек ходит в спортзал и там не ленится, нормально питается и хорошо отдыхает, то рано или поздно он становится намного лучше развит физически. Крепче, сильнее, выносливее. Иными словами, своих «воло-сатых друзей» Андрей гонял ничуть не меньше, чем людей. И так же хорошо кормил. В надежде на то, что эти несколько месяцев не пройдут даром...

Глава 2

1554 год, 13 января, вотчина Андрея на реке Шат

— Ты чего не спишь? — тихонько спросил Андрей у супруги.

— Думаю, — шепотом ответила жена.

— О чем?

— О том, что вышла замуж за безумца.

— Это понятно. А точнее?

— Ты ведь на самом деле не хочешь покоя. Ты, словно мальчишка, возжелал славы.

— А ты против?

— Против. Но поддержку тебя во всем.

— Неожиданно.

— А ты думал, я упру руки в боки и начну качать права?

— Да.

— Это глупо... — чуть помедлив, ответила она. — Женщина сильна мужем своим. Я с тобой не согласна, но что это меняет? Я пойду за тобой в любом случае.

— И что тебя мучает?

— Что ты будешь делать — я понимаю. Закусишь удила и как мальчишка станешь скакать по всей округе да махать сабелькой. Ну и лапшу на уши вешать аборигенам, чтобы денег срубить. А я? А что мне делать? Как Марфа я должна вести хозяйство, пока ты в походе. Но как Алиса я ума не приложу, с какой стороны к нему подойти.

— А чего там подходить-то?

— Тебе легко. Ты готовился. А я? Я ведь росла как цветок. Младшая дочь состоятельной семьи. Меня все любили и баловали. Да, учили готовить. Но ты бы видел кухню мамы. Она была оснащена по последнему слову техники. Папа не жалел денег на нее...

— А хозяйство? Ты совсем ничего не знаешь?

— У папы был большой бизнес, а хозяйство он воспринимал как приятное дополнение. Дань традиции, скорее. Я больше всего любила его прекрасный фруктовый сад. Большой-большой. Там несколько сотен деревьев росло. Ты даже не представляешь, как там становилось красиво, когда они цвели. Но я

никогда не видела даже как деревья сажают. Понимаешь? Просто приходила посмотреть на красоту. И все.

— Чему же ты училась все эти годы? Мне казалось, что на Кавказе много внимания уделяют домоводству и прочим подобным вещам.

— Уделяют. Но не в моем случае. Понимаешь, пока я жила с родителями, то в свободное время развивалась как будущая жена для состоятельного мужа. И ни папа, ни мама даже не предполагали, что мне придется разбираться в том, как сделать брынзу или постричь овец. Так что я училась танцевать, петь, играть на чунгуре¹, изучала поэзию. Научилась рисовать. Писать каллиграфическим почерком. Выучила недурно языки. Хорошо разбиралась в традициях и обычаях. А теперь вляпалась во все это...

— Жопа... — едва слышно констатировал Андрей.

— Жопа, — охотно согласилась с ним Марфа... точнее, Алиса. — Вот ты уедешь по весне. А я-то что делать буду?

— А какие языки ты знаешь?

— Какое это имеет значение?

— Это может оказаться полезным.

— Я знаю языки тех лет. Сейчас они другие.

— И все же. Ты ведь смогла наговорить гадостей тем татарам. И они тебя в целом поняли. Так что другие, но это ни о чем не говорит. Плюс-минус языки

¹ Чунгур — региональное название старинного персидского струнного музыкального инструмента, известного как саз. Для него характерны грушевидный корпус, гриф с навязными ладками, деревянный резонатор (без использования кожаной мембраны), сдвоенные или строенные струны и звукоизвлечение плектром.

наверняка похожи, и через пень-колоду ты их и сейчас поймешь.

— Ну... родной мой лезгинский. Русский и английский знаю свободно. Могу более-менее объясниться с азербайджанцами-турками, табасаранцами, кумыками, аварами, адыгами, а также нохчий-галгай. Чуть-чуть знаю немецкий и французский. Отец вел много с кем переговоры и считал полезным, чтобы его дети знали языки. И женщины тоже. Ведь услышать можно разное... и случайно оброненное слово, бывает, решает если не все, то многое.

— Хм... у тебя талант к языкам, я посмотрю.

— Да, они мне легко даются. Поэтому старославянский я и выучила быстро и легко. А потом и тут. Но... какая от всего этого польза? Я ведь понятия не имею, как вести хозяйство. И ладно крепости, так даже и обычного дома.

— Ничего страшного, милая. Ничего страшного. Давай так. Мы каждый день будем об этом беседовать. Сначала я расскажу все в общих чертах. А потом ты будешь спрашивать.

— Правда? Ты ведь вон сколько с сабелькой да копьем своим прыгаешь.

— Правда-правда, — произнес Андрей и нежно поцеловал жену в шею. — Я ведь когда готовился, не думал, что вот так все повернется. Поэтому больше налегал на сельское хозяйства и ремесла.

— Может быть, мне лучше записывать?

— Можешь и записывать. Только аккуратно. Не забывай о том, что эти записи могут попасть в чужие руки.

— Я не знаю никакой тайнописи. Или мне на своем родном вести записи?

— Не надо никакой тайнописи. Пиши на местном языке. Максимально просто. И без иноземных слов. Потому как если найдут записи на непонятном языке — проблем не оберешься. С греческим еще как-то удалось объясниться, а вот с лезгинским...

— Я поняла, — оживившись ответила Марфа и повернулась лицом к Андрею. Причем несколько увлеклась и чуть не легла на живот.

— Так, — придержал он ее. — Осторожнее. Не раздави нашего ребенка.

— Прости, — тихо шепнула она и потянулась целоваться...

Технически Андрей мог бы найти и управляющего. Приказчика, как в эти годы говорили. Но имелись нюансы. Точнее, два.

С одной стороны, он не доверял приказчикам, вполне законно считая, что им плевать на управляемое хозяйство. То есть срубили бабла — и ходу. А вотчина? Так хоть трава не расти. Понятно, что не все так плохо. И найти человека ответственного было можно. Как и найти для него способы мотивации. Но все равно — Андрей считал это крайностью.

С другой стороны, парень попросту не доверял местным методам ведения хозяйства. Слишком архаичным и неэффективным, на его взгляд. Понятно, что от подсечно-огневого земледелия уже, к счастью, отошли. Но ушли недалеко... Во всяком случае, если смотреть на них с высоты веков.

Применялось обычное, самое что ни на есть примитивное трехполье, известное еще во времена Римской республики. То есть ситуация, при которой одно поле засевали нормально, второе — озимыми, а третье держали под паром, давая ему от-

дохнуть и набраться силы. На следующий год все смещалось.

В принципе, рабочее решение, но имелись проблемы.

Прежде всего треть земель не использовалась вовсе, а еще треть задействовалась лишь частью. То есть в целом очень невысокая эффективность эксплуатации.

Ну и главное — при таком подходе земля не успевала отдохнуть и восстановить свое плодородие. Отчего пашни целинные, то есть только освоенные, давали урожай не в пример лучше.

Как это обойти?

Андрей знал несколько способов.

Заваливать поля удобрениями он не мог. Просто потому, что необходимого объема удобрений у него попросту не имелось. А пускать на эти цели солому и прочие полезные в хозяйстве вещи он не мог себе позволить.

Менять поля по мере их истощения, распахивая соседние земли, он тоже не мог. Ведь его вотчина строго очерчена.

Оставалось только одно — применять более прогрессивный метод севооборота, с одной стороны. И механизацию — с другой.

С севооборотом все было просто и легко. Ну на первый взгляд. Андрей планировал применить Норфолкский цикл в его архаичном виде. Известный также как четырехполье.

Его вотчина писалась в сто четвертей. Но в те годы это означало триста, ибо оценивалась лишь треть. Из-за практики трехполья. Вот эти триста четвертей Андрей и планировал разделить на четыре

равные части. В первую он планировал высаживать горох, во вторую — озимую пшеницу, на третью — репу и свеклу, а на четвертую — овес. На следующий год все смещать по кругу.

Просто и совершенно бесхитростно. А истощения почвы и ее деградации из-за такой смены культур не происходило.

Кроме всего прочего, это позволяло отойти от специализации на монокультуре, что запредельно снижало угрозу голода из-за климатических проблем.

Механизация же заключалась в использовании плуга и сеялки. Самой что ни на есть примитивной и простой.

С плугом все понятно. Качественное улучшение и ускорение механической обработки почвы — это большой плюс. Хотя и не такой очевидный на первый взгляд. А вот сеялка выступала настоящей сельскохозяйственной «вундервафлей»¹ в этих условиях. Почему? Так сеяли зерновые в те годы как? Просто рассыпали их по пашне, а иной раз и просто по разрыхленной мотыгой земле. И птицы склевывали в среднем от трети до половины, а иной раз и больше.

К чему это вело?

К низкой урожайности. Ведь архаичные сорта зерновых не отличались ни большим количеством зерен в колосе, ни множеством стеблей в кусте. А значит, выжившие всходы не могли компенсировать погибшие семена, с одной стороны, а с другой — сыпать приходилось обильно. Птицы же

¹ В данном случае имеется в виду смешливый пересказ немецкого слова *wunderwaffe* — чудо-оружие.

склеивали зерна неравномерно, из-за чего получались островки слишком густого посева, где растения мешали друг другу. И выходило, что местами шли проплешины с бурьяном, а местами чахлые, но густо растущие злаки.

Так или иначе, но ручной посев банальным разбросом уменьшал урожайность зерновых в те годы минимум вдвое. И Андрей планировал этот вопрос разрешить, изготовив примитивную сеялку. Два колеса. Бункер с зерном. Нож, разрезающий грунт. Трубка, по которой зерна подавались. Отвал, засыпающий разрез грунта. И мерный счетчик-отсекатель для зерен, работающий от оборота колеса.

Он с этой сеялкой сам возился.

Кузнец и его подмастерья, конечно, помогали. Но основной объем работы приходилось делать самому. Так было проще и быстрее.

Пока он ограничился сеялкой на ручной тяге. Просто проверить. Да и засеять по весне сорок гектаров¹ овсом и столько же по осени пшеницей можно было и без лошади. Во всяком случае, это было проще, легче и быстрее, чем рассеивать зерно вручную на таких площадях.

Конечно, оставался еще открытым вопрос с сеном. Но Андрей не обольщался. На своих «33 квадратных метрах» он в принципе не в состоянии прокормиться. Даже просто обычным продовольствием. Поэтому без закупок не обойтись. Вот и думал больше не столько об автономности, сколько об эффективности использования собственной земли.

¹ 300 четвертей — это 163,881 га. Четверть от них — 40,97025 га.

И так во все это погрузился, что даже не заметил, как в очередной раз подставился. Во всяком случае, неделю спустя к нему подошел Кондрат и присел на лавочку со словами:

- Да, не думал я, что у Петра дочь такая дура.
- Чего это? — напрягся парень.
- А чего ты с ней как с ребенком возишься?
- Так забыл, что ли? Про колдуна.
- А, ну да, колдун.
- Вот и учу ее. Мне ведь супруга толковая нужна.

Чтобы я мог на нее положиться.

- А ты сам-то отколь сие ведаешь?
- Как откуда?

— Я послушал твои поучения. Мудрено очень. Да и отец твой иначе дела вел. И я. И все мы. Откуда твои знания?

Андрей замолчал. Он как-то растерялся от такого вопроса.

— Можешь не отвечать, — улыбнулся Кондрат. — Мне. Но я уверен, рано или поздно этот вопрос тебе зададут.

Снова тишина.

— Ты не слушай ее. Я ведь не раз замечал, что она тебя поучает — быть как все. Не выделяться. Ну когда думает, что никто ее не слышит. Многие это замечали. Но то не страшно. Чай, не в глухой чаще живете, а среди людей.

— А чего не слушать?

— Так вы чем больше стараетесь быть как все, тем смешнее выходит. Другие вы с ней. Оба другие. Ученость твоя явно книжная и весьма великая. Откуда она? Я не ведаю. Отец Афанасий тоже лишь руками разводит. Сабелькой вон лихо владеешь. Много луч-

ше любого из нас. Значит, учитель у тебя был добрый. А это себе не каждый боярин может позволить. Да и она — краля. Дочь простого десятника тульского. Как же! Читать-писать может, причем бегло. Много всего знает, что знать не должна. Обыденные же вещи не ведает. А как гневаться изволит, так глаза молнии мечут. Словно княжна какая. Лишь силой духа своего смиряется. Вы оба белые вороны.

— Федот и Аким так же думают?

— А как же? Или ты думаешь, что мы пошли бы под руку простого помещика? Считаю, новика?

Андрей скрипнул зубами.

— Вот я и думаю, что, может, колдовство то и заключалось не в вашем повреждении, а в том, чтобы мы все подумали, что ты — это Андрейка, сын покойного Прохора, а она — Марфа, Петрова дочь. Тогда ведь и безумие Петра становится понятно. Не выдержала душа обмана. Болеть стала. Оттого и окрысился на тебя.

— Его ведь натравили.

— А его и раньше натравливали. И что? Ума хватало глупости не делать.

— Отец Афанасий тоже так думает?

— Многие в Туле ныне задают вопросы... — уклончиво ответил Кондрат.

— Спасибо, — тихо ответил Андрей.

— За что?

— За то, что сказал. Я ведь... я ведь и не замечал даже...

— А как тебе заметить? — усмехнулся дядька Кондрат. — Ты совсем иначе живешь. Иначе мыслишь. Я когда увидел, что ты стал носиться с чистотой как одержимый, то сразу заподозрил неладное.

От этих слов Андрей чуть дернул подбородком, выдавая свое крайнее раздражение. Он как-то забыл, что в эти времена о гигиене еще ничего не знали и не связывали чистоту со здоровьем. Мытье же, особенно частое, связывали совсем с другими вещами. Особенно мытье одежды и общую борьбу за внешний чистый и приятно пахнущий облик.

Быть чистым в те времена считалось признаком статуса. И князь, как в приснопамятном фильме «Викинг», бегать грязным прилюдно просто не мог бы себе позволить. Ведь среди незнакомцев считался главным тот, кто выглядел чище и был богаче одет. По умолчанию. Ибо встречали по одежке. Одежда и чистота выступали в роли своего рода погон, позволяя маркировать людей по их социальному статусу через внешний вид. Даже если обстоятельства сложились так, что тот же князь испачкался, то он при первой же возможности навел бы маршфет. Даже какая-нибудь власяница для смирения — и та у таких людей должна быть чистой и не рваной.

Андрей же заморачивался с чистотой просто чрезмерно. Просто боялся заболеть. Да и вообще — не привык он к тому, чтобы возиться в грязи. И это просто резало взгляд окружающим.

Показателен был и его поступок, совершенный при посещении царя. Его одежда обычна для простого поместного дворянина. Но он ее устыдился и решил прийти в доспехах. Достаточно дорогих доспехах по меркам Руси. Об этом он имел дурость всем растрепать. Дескать, беден. Пришлось в доспехах идти, ибо в них сраму нет...

— Дурак... ой, дурак... — тихо простонал Андрей, когда дядька Кондрат ушел и парень остался наедине. — Кем же они меня вообразили?

Глава 3

1554 год, 13 февраля, вотчина Андрея на реке Шат

Андрей стоял в одном из «скворечников» крепости, наблюдая за тем, как бушует метель. Она началась внезапно. Еще утром небо было чистое и прозрачное. Ни облачка. После обеда же подул ветер и набежали тяжелые, низкие тучи. А потом и снег зарядил. Сильный. Настолько сильный, что шагов на сто уже ничего и не видно. Ну хорошо, на двести. Хотя назвать те силуэты нормальной видимостью — явный перебор.

Жизнь в крепости шла размеренно. Размеренно, но очень интенсивно. Ранний подъем и много недурно организованного коллективного труда. Хорошее питание. Теплая одежда. Добротное жилье. Укрытие от ветра за стенами и общая безопасность.

Андрей для своих людей обеспечил если не рай, то что-то очень близкое в этом. Во всяком случае, в их представлении. Шутка ли? Трехразовое питание по расписанию. Да сытное. И с мясом, да на масле или сале. А в постные дни — рыба. И не по чуть-чуть, а нормально.

Люди были сыты, здоровы, чисты и полны энтузиазма.

За чистотой, несмотря на замечания дядьки Кондрата, Андрей продолжал следить. И даже усилил